

Этнические стереотипы в русских анекдотах

Алексей Шмелев, Елена Шмелева

Среди представлений о мире, характерных для той или иной культуры, важное место занимают представления о своем и о других народах — так называемые этнические стереотипы. Существуют различные методы выявления этнических стереотипов, например непосредственный опрос информантов или исследование бытующих в культуре эксплицитных суждений о свойствах того или иного народа. Однако ориентация на эксплицитные суждения носителей культуры может вводить в заблуждение, поскольку значительное число стереотипов не вполне осознаются их носителями и потому не эксплицируются, и, напротив, в наличии каких-то стереотипов их носитель может не желать признаваться. Поэтому в качестве вспомогательного приема выявления этнических стереотипов могут использоваться методы, нацеленные на выявление имплицитных стереотипов, стоящих за высказываниями носителей исследуемой культуры. Высказывание персонажа Сергея Довлатова «все думали — еврей, а оказался пьющим человеком» более надежно свидетельствует о наличии стереотипа «евреи обычно не склонны к пьянству», нежели эксплицитное утверждение «евреи мало пьют». В качестве косвенных методов выявления этнических стереотипов можно упомянуть анализ сочетаемости прилагательных, обозначающих национальную принадлежность^[1]: если сочетание такого прилагательного и существительного, обозначающего некое человеческое качество, является лингвистически отмеченным (т. е. регулярно встречается в речевой практике носителей языка), то данное качество соответствует этническому стереотипу (который является фоном для интерпретации всего сочетания). При помощи этого теста для русской культуры удастся установить составляющие этнического стереотипа

немца

(организованность,

размеренность, серьезность, основательность, аккуратность, тщательность, дотошность, добротность, честность, бережливость, экономность, хозяйственность, деловитость, практичность, а также педантичность, рассудочность, расчетливость, ограниченность) и француза (тонкость, утонченность, грациозность, изящество, изысканность, любезность, галантность, а также жеманность, кокетливость, легковесность, ветреность). Более бедны стереотипные представления об американцах (деловитость) и англичанах (чопорность). Интересен также набор существительных, которые выявляет этот тест для авто стереотипа русских (стереотипного представления о самих себе): удаль, широта, прямота; сметка, смекалка; гостеприимство (хлебосольство), (за)душевность, щедрость; беспечность, бесхозяйственность, расхлябанность, лень, барство; хамство, свинство, дикость, варварство.

Другим методом выявления фоновых этнических стереотипов может служить изучение коротких забавных историй, персонажами которых являются представители различных народов. Жанр рассказов об этнических меньшинствах или о народах-соседях существует в фольклоре самых разных народов. Французы и голландцы рассказывают анекдоты о бельгийцах, испанцы — о португальцах, шведы — о норвежцах, а финны — о шведах. Это вполне естественно. Ведь представления о «человеке вообще» люди, как правило, формируют на основе наблюдений над собственным этносом, отличительные особенности которого, таким образом, принимаются за норму. Соответственно черты, свойственные иным этносам, воспринимаются как отклонение от стандарта. Поскольку стереотипы поведения разных народов обычно не совпадают, специфические черты поведения, свойственные иным этносам (как правило, представленные в преувеличенном виде), часто воспринимаются как смешные, глупые, не соответствующие

собственной, «правильной» норме поведения. Тем более смешными кажутся нарушения носителями других языков речевых стереотипов родного языка рассказчика. Это касается как нарушения собственно языковых норм (акцент, несвойственные языку рассказчика синтаксические конструкции), так и пристрастия к речевым стратегиям, не характерным для языка рассказчика.

Среди русских анекдотов, базирующихся на этнических стереотипах, можно выделить две разновидности: собственно этнические анекдоты и «многонациональные» анекдоты.

В каждом из собственно этнических анекдотов действуют представители какого-то одного народа; связанные с этим народом этнические стереотипы являются необходимой предпосылкой комического эффекта. Большинство собственно этнических анекдотов представляют собой «рассказы об инородцах», то есть краткие комические истории о представителях того или иного этнического меньшинства. Персонажи собственно этнических анекдотов обычно характеризуются особой «речевой маской», сюда относятся интонация, склонность к использованию определенных частиц, этикетных формул, диалогические стратегии. Часто использование той или иной единицы соотносится с какими-то чертами характера, приписываемыми в анекдотах соответствующему этническому и языковому меньшинству[2].

В «многонациональных» анекдотах, как правило, фигурируют иностранцы; при этом одним из персонажей «многонационального» анекдота обычно оказывается представитель народа, к которому принадлежит рассказчик (т. е. в русских анекдотах *русский*). Речевые характеристики иностранцев в анекдотах, как правило, минимальны, чаще всего они говорят на русском языке, лишенном специфических характеристик.

Собственно этнические анекдоты

Распространенность анекдотов об инородцах в русской среде обусловлена тем, что в России с ее огромной территорией и многонациональным населением русские издавна сталкивались с различными типами «неправильного» с русской точки зрения поведения и «неправильной» русской речью. Любопытен уже сам выбор героев анекдотов об инородцах. Выбор персонажей русских анекдотов об этнических меньшинствах весьма ограничен. Из множества народов, населявших территорию Российской империи, а затем — Советского Союза, лишь о единицах рассказывались анекдоты. При этом выбор героев для анекдотов изменился с течением времени. В начале XX века героями анекдотов часто были цыгане или армяне. В современном фольклоре (1970—1990-х гг.) анекдотов про цыган почти нет, анекдоты про армян тоже редкость (а популярная в 1960-е серия анекдотов об армянском радио по жанру не принадлежит к разряду анекдотов об инородцах). Наиболее частые герои советских анекдотов об этнических меньшинствах в современном фольклоре — это грузины, чукчи, украинцы и евреи (отметим, что анекдоты о малороссах и еврейские анекдоты имеют давнюю историю, а анекдоты о грузинах и тем более о чукчах стали активно рассказываться в советское время). В 1990-е годы получили распространение анекдоты об эстонцах (в советское время такие анекдоты были единичными, как, например, известный анекдот о *горячих эстонских илифинских парнях*)[3].

Грузины: установка на контакт и взаимопонимание

Каждому из типичных персонажей анекдотов про инородцев свойственны особые характерные черты. Например, как мы можем описать *грузина* — героя русских анекдотов советского времени? Это человек заметный, шумный, пестро, часто безвкусно, но всегда «богато» одетый. Больше всего на свете *грузин* озабочен тем, чтобы другие не подумали, что у него чего-то нет, он очень любит прихвастнуть, показать свое реальное или мнимое богатство. *Грузины* в русских анекдотах — люди гостеприимные, любящие компанию, застолье, тосты; щедрые, иногда даже

слишком щедрые; они преувеличенно мужественны, но при этом отношение к женщине у них «восточное» — как к низшему существу (напомним известную фразу из анекдота о том, как *грузин* расточал многочисленные комплименты некоей даме, беседуя с ее спутником, однако когда она попыталась принять участие в разговоре, ей было сказано: *Молчи, женщина, когда джигиты разговаривают*). Среди анекдотических грузин много долгожителей, хотя они любят выпить, вкусно поесть и поухаживать за женщинами (исключения встречаются редко). - Например:

Корреспондент берет интервью у пожилого грузина: «Скажите, в чем секрет вашего долголетия?» — «Я не пил, не курил и всю жизнь избегал женщин». Тут раздаётся какой-то шум. Корреспондент спрашивает: «Что это?» — «А, это мой старший брат вернулся, пьяный, как всегда, и с какими-то девками».

Поскольку мы в основном рассматриваем анекдоты, появившиеся в советское время, одной из обязательных тем анекдотов о любом народе является тема взаимоотношений героев анекдотов и советской власти. Конечно, представители всех народов в русских анекдотах советскую власть не любят, она мешает всем, но всем по-разному. Так, грузинам советская власть мешает наслаждаться жизнью (вспомним анекдот про то, как *грузина* принимают в партию и говорят, что теперь он не должен пить вино, зарабатывать слишком много денег, ухаживать за женщинами. Он вынужден согласиться, но затем на вопрос, *готов ли он отдать жизнь за идеалы коммунизма*, отвечает: *Конечно, готов, зачем мне такая жизнь?!*).

Недостаточное владение русским языком усиливает некоторые черты характера анекдотического *грузина*:

«Гиви, ты свою жену утром будишь?» — «Конечно, буду».

Для имитации русской речи грузин в анекдотах помимо попытки имитировать грузинский акцент используются особые прагматические маркеры. Независимо от того, в какой степени они характерны для реальной русской речи грузин, их рассмотрение позволяет добавить некоторые штрихи к нарисованной картине.

Русская вопросительная частица *да?* в конце высказывания может иметь различные смыслы — в зависимости от интонации и типа дискурса. В составе рассуждения *да?* может указывать на стремление говорящего проверить, понимают ли его слушающие («преподавательское» *да?*) или согласны ли они с проводимым рассуждением. Если же обсуждаются планы на будущее, *да?* выражает неуверенную надежду на то, что собеседник согласится со сделанным предложением. Именно этому последнему типу *да?* близко использование *да?* в качестве речевой характеристики грузина в анекдотах, когда оно может сопровождать императив (употребление, противоречащее русской литературной норме): *Позвони, да? Выпей, да?* Несколько иную функцию несет *да?* в таких конструкциях, как *Обидно, да?*, когда оно выражает сочувствие или, наоборот, просьбу о сочувствии. Можно заметить, что во всех случаях использование *да?* в анекдоте выражает установку грузина на контакт и взаимопонимание с собеседником.

Эта же установка подчеркивается и тем, что грузины в анекдотах всегда используют обращение на *ты* — даже в разговоре с незнакомым человеком. Обращение на *вы* является слишком формальным и разрушало бы стереотипный образ грузина. Грузинам в анекдотах свойственно употребление побудительных предложений и риторических вопросов; обычные сообщения в форме повествовательных предложений встречаются относительно редко. Просто сухая передача информации не столь существенна для грузина, как установление и поддержание контакта с собеседником. Обратиться с просьбой, дать совет, пригласить вместе подумать над каким-либо вопросом для грузина в анекдотах значительно важнее, нежели просто сообщить что-то. Не случайно и широкое использование обращений в речи грузина — героя анекдотов. Приведем пример анекдота, в котором на фоне не вполне совершенного владения русским языком (и полного непонимания особенностей украинского языка) ярко проявляется характер анекдотического грузина:

Накануне Пасхи в Великий пост едут в купе одного поезда грузин и украинка. Грузин достаёт хачапури, шашлык и множество всяких вкусных вещей, начинает есть. А украинка тихонько сидит и ничего не ест. Постится. Грузин ей предлагает: «Вах, дарагой, угощайся!» Она: «Щиро дякую, та я не можу зараз. Во мне Великий пист!» Грузин: «Эээ, великий пизд, маленький пизд — кушать-то надо!».

Совсем иной характер у других постоянных героев анекдотов 1970—1980-х годов — у чукчей. *Чукча* — это природный, естественный человек Руссо, попавший в чуждую для него городскую технократическую цивилизацию. *Чукча* кажется очень глупым лишь потому, что он в городе продолжает жить по законам тайги (охотится на старушку или на дельтаплан, не умеет пользоваться телефоном и т. п.), а по-своему *чукча* хитер и умен. Особенно ярко это проявляется в анекдотах о том, как *чукча* воспринимает действительно бредовые советские лозунги и реалии — напомним анекдот о том, что все у нас в стране делается *во благо человека*, и *чукча* знает *этого человека*, или о том, как *чукча* отстоял очередь в магазин, а *продавец умер* (анекдот про Мавзолей Ленина); ср. также анекдот, в котором фигурирует типичное для советской городской топонимики, хотя и достаточно абсурдное название улицы — улица Восьмого Марта:

Едет *чукча* в трамвае. Водитель: «Следующая остановка «Восьмого Марта»»... *Чукча*: «Ой, а раньше никак нельзя!?».

Стандартной речевой характеристикой *чукчи* в анекдотах является слово *однако*. Его функции в языке состоят в том, чтобы указывать на несоответствие тому, что можно было бы ожидать. Такое употребление *однако* соответствует общему внутреннему состоянию *чукчи* в анекдотах — пассивному изумлению перед окружающим миром и недоумению человека, столкнувшегося с непривычной для него цивилизацией. Этой же цели служит и свойственное *чукче* в анекдотах обозначение себя в третьем лице: он как бы глядит на себя со стороны, удивляясь своему месту в приоткрывающемся ему мире.

Чукчи в анекдотах, как и грузины, чаще всего обращаются к собеседнику на *ты*, однако для них функция такого способа обращения несколько иная: это как бы речь ребенка или человека, почти не затронутого цивилизацией и условностями этикета.

Словарный запас *чукчи* в анекдотах беден, он ограничивается словарем-минимумом, состоящим из самых простых и употребительных слов; при этом он чаще всего употребляет слова и формы, уместные скорее в разговорах с детьми. Выход за пределы такого словарного запаса воспринимается как маркированный и создает добавочный комический эффект, как в высказывании *Тенденция, однако*, заимствованного из анекдота и ставшего «крылатым словом» в современной русской речи.

Похожий эффект имеет место в тех случаях, когда собеседники пытаются приноровиться к понятиям и словарному запасу *чукчи*, но выясняется, что его система представлений и словарный запас мало чем отличаются от представлений и лексикона его собеседников:

Испытывают новую баллистическую ракету СС-50. А у нее блок наведения отказал, и улетела она куда-то в тундру. Послали за ней поисковую группу. Идут они по тундре, а навстречу *чукча*. Те у него спрашивают: «Скажи, *чукча*, тут пять дней назад летела большая огненная палка. Ты ее не видел?» — «Нет, — говорит, — однако не видел. Самолета — летела, вертолета — летела, СС-50 — летела, а большая огненная палка — не летела».

Евреи как герои русских анекдотов

Прежде чем переходить к анализу «еврейского анекдота», необходимо сделать одну оговорку. Грузины и *чукчи* в анекдотах на русском языке всегда функционируют именно как персонажи русского анекдота. В то же время анекдоты о евреях нередко представляют собой возникшие в еврейской среде анекдоты, которые могут рассказываться на русском языке, а могут и на любом другом [4]. Можно считать, что в таких анекдотах мы имеем дело не с образом *еврея* в русском анекдоте, а с образным строем еврейского анекдота (который был рассказан на русском языке).

Впрочем, под русским анекдотом о евреях можно понимать любой анекдот с персонажами-евреями, имеющий достаточно широкое хождение в русской среде. Независимо от генезиса таких анекдотов, с синхронной точки зрения анекдот, родившийся в еврейском местечке начала века, но активно рассказывавшийся в современном ему русском городском обществе, отражает те же бытовавшие в этом обществе стереотипы, что и анекдот о евреях, который и возник, и рассказывается в русской городской среде.

Евреи в анекдотах характеризуются свойствами, в корне отличными от грузин и *чукчей*, и это подчеркивается их речевыми характеристиками. Они следуют особому «речевому этикету»,

придающему их речи специфический «национальный колорит»: отвечают вопросом на вопрос, ценят выражение сочувствия выше, чем комплименты собеседнику, сами, отвечая на комплимент, начинают возражать собеседнику, при упоминании любого лица считают необходимым дать ему оценку, обычно в форме пожелания. Характерна также манера начинать вопрос с союза *и*:

«Вы выходите на следующей остановке?» — «Да». — «А женщина перед вами выходит?» — «Да-да». — «А вы ее спрашивали?» — «Да, конечно». — «И что она ответила?»

Недоверие к полученному ответу, желание его перепроверить не случайно и хорошо укладывается в общую систему речевых стратегий, используемых евреями в анекдотах.

Для *еврея* как героя анекдота характерно использование не прямых способов выражения, особенно когда речь идет о деликатных материях:

«Сарочка, ты помнишь Изю, что жил напротив тюрьмы?» — «Да, а что?» — «Так он теперь живет напротив своего дома».

«Рабинович, вы когда-нибудь секс втроем пробовали?» — «Нет, а что?» — «А попробовать хотите? Тогда — бегом домой, может, еще успеете!»

Очень часто речевые особенности подчеркивают различные черты образа *еврея* в анекдоте. Так, для *еврея* как героя анекдота характерна частица *таки*, служащая показателем установки, во многом противоположной установке, лежащей в основе использования *однако*: она указывает на соответствие тому, что ожидалось, на то, что сомнения были напрасными. Использование *таки* хорошо отвечает установке человека, все знающего наперед и любящего (иногда с некоторым занудством) подчеркнуть, что его предвидения оправдались, несмотря на возможные сомнения.

Если грузины и чукчи в анекдотах обращаются к незнакомому собеседнику на *ты*, то евреи используют более формальное обращение на *вы*. Это, разумеется, не случайно. Евреям в анекдотах несвойственна ни панибратская манера грузин, ни первобытная незатронутость цивилизацией, свойственная чукчам. Однако, как и грузинам, евреям в анекдотах свойственна установка на контакт с собеседником, что подчеркивается постоянной апелляцией к слушателю (...*вы думаете, что...*), однако ценен для еврея не контакт сам по себе, а возникающая при этом «задушевность»: контакт ценится, поскольку дает возможность выразить сочувствие и самому оказаться объектом сочувствия. Поэтому *еврей* в анекдоте может не только осуществлять референцию к самому себе при помощи местоимения первого лица, но и, как чукча, называть себя в третьем лице — *бедный еврей*. Однако понятно, что функция такого самообозначения совсем иная, нежели в случае с чукчами. Если *чукч* удивленно глядит на себя со стороны, то *еврей* приглашает собеседника или домысливаемого наблюдателя посмотреть на него и «посочувствовать».

Еврей в русском анекдоте — хороший семьянин, для него очень важна его жена, дети и вообще все многочисленные родственники (отдельное место занимают анекдоты про *еврейскую маму* и ее отношения с сыном). Приверженность семейным связям подчеркивается средствами, при помощи которых *еврей* осуществляет референцию к своим родственникам, в частности к жене, которую он называет *моя Сарочка*. Такое обозначение оказывается информативным и в то же время достаточно интимным, чтобы выразить теплые чувства по отношению к супруге.

Некоторые характеристики евреев в русских анекдотах мало изменились за более чем столетнюю историю существования этой серии. Евреи — умные, хитрые, жадные. Часто богатые, но они (в отличие от других персонажей русских анекдотов про богачей: *загулявших купцов, грузин и новых русских*) не демонстрируют свое богатство, а стараются скрыть его. Имеют большие способности к бизнесу (часто нечестному). Евреи за свою долгую, полную гонений историю научились приспосабливаться ко всему, поэтому евреи могут приспособиться и к

советской власти и даже обмануть ее представителей (милицию, таможенников и др.). Евреи — физически слабые, хотя благодаря своей хитрости иногда побеждают более сильного противника. Доминирующая черта евреев во многих анекдотах — осторожность, подчас граничащая с трусостью: в политике, в бизнесе (поэтому евреи и не афишируют своего богатства) и просто в жизни. Впрочем, здесь следует отметить, что после Шестидневной войны эта характеристика была несколько скорректирована. В русском фольклоре появилось много анекдотов о победоносных израильских солдатах. В этих анекдотах израильские солдаты побеждают не числом, а умением, хотя в большинстве из них все же не столько силою и храбростью, сколько хитростью. Способность немногочисленных израильских солдат побеждать во много раз превосходящие силы противника просто поражает воображение, как в следующем анекдоте: Президент Джонсон обратился к Израилю за помощью во вьетнамской войне. Израильское правительство приняло решение послать на помощь пять солдат. «Вы бы хоть десять послали», — говорит Джонсон. «Вы что, с Китаем воевать собираетесь?» — удивляются израильтяне^[5].

Эстонцы: сверхъестественная медлительность

Распространенные представления о чрезвычайной медлительности эстонцев, по-видимому, связаны с большой длительностью пауз, посредством которых носители данной культурной традиции дают собеседнику возможность продолжить свой монолог, подумать над тем, что сказал собеседник, вставить свою реплику. Длительные паузы накладываются на тот факт, что в эстонском языке распространены долгие звуки (не только гласные, но и согласные), так что речь воспринимается как медленная — а это может свидетельствовать о медлительности участника коммуникации. Именно замедленный темп речи, длительные паузы, использование долгих гласных и согласных, интонационная размеренность — главные составляющие речевой маски *эстонца* в анекдоте. Таким образом рассказчик пытается имитировать эстонский акцент, и хотя по большей части это получается не очень успешно с точки зрения соответствия реальной русской речи эстонцев, однако оказывается достаточным для того, чтобы речевая маска была легко узнаваемой. Характер *эстонца* как героя анекдота вполне соответствует этой маске. Главное свойство *эстонцев* в русских анекдотах — медлительность. Они очень рассудительны, но замкнуты, не способны к бурным проявлениям страсти, медленно соображают, медленно и мало говорят и замедленно реагируют на сообщения.

Горячий эстонский парень лежит в постели с молодой женой. «Тарагоой, почему ты все время моолчишь? Скашии хоть чтоо-ниппуть!» — «Что же теппе сказаатть?» — «Ну, скашии, что люппишь мення». — «Я люпплю теппя». — «Скашии, что хоочешь мення». — «Я хочуу теппя». — «Почемуу ты все говоришь потт мою диктооовку? Скашии чтоо-ниппуть самм!» — «Спокоюйной ноочи».

Звонок в эстонскую службу быстрого реагирования: «Алло! Это проспект Ленина, 13. Четвертый подъезд. У нас взорвалась газовая плита!!! Взрывом разнесло стену!!! Там магазин лакокрасочных изделий!!! Все горит!!! Сейчас загорается второй этаж!!! Скоро рухнет весь дом!!!» — «Алло. Здравствуйте. Это эстонская служба быстрого реагирования. У вас проблема?»

Эстонец с женой приезжает в одну из арабских стран. Там они идут на местный рынок. На рынке к ним подходит араб и обращается к эстонцу: «Европеец?» — «Та, я ис Европ». — «Это твоя жена?» — «Та, моя сена». — «Я предлагаю тебе за нее 50 верблюдов». Эстонец округляет глаза, начинает что-то думать 10 минут, 15... 20... затем говорит: «Нет, она не протается». Араб уходит, и жена говорит эстонцу недовольным голосом: «Почему ты сразу ему не скасал, что я не протаюсь? Ты что, хотел меня унисить?» — «Нет, просто я думал, как ше я смоку уместить в квартире 50 верплютов».

Много новых анекдотов об эстонцах появилось в последние десятилетия, после того как Эстония снова стала независимым государством. Тем не менее, как уже говорилось, типологически по целому ряду характеристик (имитация акцента в русской речи, принадлежность к собственно этническим анекдотам) эти анекдоты должны рассматриваться как «анекдоты об инородцах», а не анекдоты об иностранцах.

Многонациональные анекдоты

Как правило, об иностранцах речь идет только в многонациональных анекдотах (некоторым исключением является популярная серия анекдотов «из английской жизни»). Речь иностранцев (в частности, *англичан, американцев, французов и немцев*), как уже говорилось, никак специально не передается, об их национальной принадлежности свидетельствуют только имена собственные (*Джон, Мэри, Пьер*) и некоторые общеизвестные слова или междометия соответствующих языков (*сэр, мистер, йес, месье, о-ла-ла, яволь*). Некоторым исключением из этого правила являются японцы, речь которых изображается посредством реализации шипящих как свистящих, так что фонетически речь японцев в анекдотах оказывается сходной с речью чукчей, что выглядит некоторым парадоксом, поскольку в анекдотах образ технически продвинутого японца в чем-то противоположен образу живущего почти первобытной жизнью чукчи[6].

Анекдоты о разных национальностях можно свести к двум основным типам (впрочем, жесткой границы между анекдотами этих двух типов нет). В анекдотах первого типа люди разных национальностей вместе попадают в какую-то необычную ситуацию (на необитаемый остров, к вождю дикого племени, в тюрьму и т. п.) и каким-то образом взаимодействуют. В анекдотах второго типа каждый из них по отдельности как-то отвечает на один и тот же вопрос или действует в одной и той же ситуации[7].

В «многонациональных» анекдотах обоих типов именно *русский* действует самым необычным, неожиданным образом, его слова или действия составляют то, что называется «солью» анекдота[8], например:

Проходят международные соревнования, кто больше выпьет водки. Пить водку надо из ведра ковшиками. Комментатор: «На помост выходит американский спортсмен. Первый, второй, третий, четвертый, пятый... сломался. Пока с помоста выносят американского спортсмена, на трибунах русский спортсмен разминается красненьким. На помост выходит французский спортсмен. Первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый... сломался. Французского спортсмена выносят с помоста, а в это время русский спортсмен на трибунах разминается красненьким. ...На помост выходит русский спортсмен. Первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый, одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый... сломался. Пока чинят ковшик, русский спортсмен разминается красненьким».

Посадили инопланетяне американца, японца и русского в камеру без окон без дверей, дали по два металлических шарика, сказали, придут через три дня и если не придумаете, что можно сделать с этими шариками, убьем. Приходят через три дня. Американец в камере шариками жонглирует, у японца шарики сами крутятся. А русский сидит, ничего не делает. Инопланетяне спрашивают: «А ты что научился делать?» — «Да ничего, я в первый же день один шарик сломал, другой потерял».

Заметим, что отличительной особенностью русских анекдотов является то, что в них выступать последним и демонстрировать «соль» анекдота (т. е. занимать место *русских*) могут некоторые персонажи русских этнических анекдотов, а именно *евреи, украинцы и чукчи* (иногда они фигурируют в них вместе с *русскими*), например:

У немца есть и жена, и любовница, но любит он жену. У итальянца есть и жена, и любовница, а любит он любовницу. У француза есть и жена, и любовница, а любит он обеих. У русского есть и жена, и любовница, но любит он водку. У еврея есть и жена, и любовница, а любит он маму.

Можно сделать вывод, что рассказчики и слушатели воспринимают персонажей русских этнических анекдотов как своеобразных представителей той же общности, к которой принадлежат они сами. Относительно большинства анекдотов, в которых место, предназначенное для представителя родного народа рассказчика, занимают *евреи*, можно предположить, что они родились или активно рассказывались в еврейской среде (во многих случаях это достоверно известно). В отношении украинцев причина скорее в том, что украинцы рассматриваются в русских анекдотах как своего рода «русские». Этот вывод косвенно подтверждается языковыми данными: имитация речи украинцев в анекдотах изображает их именно как русских, хотя и «неправильных»[9]. В отношении *чукчей* причина может быть сходной: ср. мнение Э. Драйцера, который в книге о русских этнических анекдотах писал, что украинцам и чукчам в этих анекдотах приписываются те же черты, которые русские приписывают самим себе[10].

Такие анекдоты подтверждают традиционные стереотипные представления русских о себе: удаль, пьянство, душевность, пренебрежение к писаным законам, лень, нежелание добиваться успеха и богатства. Русские женщины в анекдотах романтичны, легкомысленны, несчастны в семейной жизни, хотя (в отличие от западных жен) являются реальной главой семьи. Подтверждаются стереотипы, связанные с чукчами, украинцами и евреями, которые выявляются на основе собственно этнических анекдотов. Что касается прочих иностранцев, то многонациональные анекдоты в целом соответствуют стереотипным представлениям об этих народах[11], но эти стереотипы обычно проявляются в таких анекдотах не очень ярко.

Разумеется, этническим стереотипам, на которых строятся анекдоты, не следует придавать слишком большого значения. Для того чтобы понимать и рассказывать эти анекдоты, необходимо знать эти стереотипы (они входят в общий фонд знаний современных россиян), но вовсе не требуется разделять их и считать, что это и есть подлинные характерные черты соответствующих народов.

[1] Этот метод был предложен в статье: *Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* С чисто русской аккуратностью... (к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке) // Московский лингвистический журнал. 1996. Т. 2. С. 340—351.

[2] Любопытно, что анекдоты о новых русских, появившиеся в самом начале 1990-х, по целому ряду признаков подобны собственно этническим анекдотам, а *новые русские* как персонажи этих анекдотов похожи на своего рода этническое меньшинство. Это свидетельствует о том, что «новые русские» в глазах рассказчиков рассматриваемых анекдотов представляют собой особую социальную группу, с которой рассказчик анекдота себя не ассоциирует (*Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Русский анекдот: текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 68—73).

[3] В настоящее время, если исходить из формальных государственных границ, *украинцы, грузины, эстонцы* должны были бы характеризоваться как «иностранцы». Тем не менее в пространстве русского анекдота они сохраняют признаки «инородцев» — народов, живущих рядом с русскими, но не вполне владеющих русским языком и отличающихся от русских определенными чертами характера и бытового поведения. Точно так же *финны* как герои анекдота по многим признакам ближе в пространстве русского анекдота к «инородцам», чем к «иностранцам». Немногочисленные анекдоты *офиннах*, по-видимому, генетически восходят к бытовавшим еще в Российской империи рассказам *о чухонцах*; правда, большая часть этих историй трансформировалась в анекдоты об *эстонцах*.

[4] Недавно в переводе на русский язык был опубликован сборник еврейских анекдотов: *Ланцман З.* (сост. и комм.) Еврейское остроумие / пер. с немецкого Ю. Гусева и Н. Михелевич. М.: Текст; Лехаим, 2006. Многие из вошедших в этот сборник анекдотов с давних пор рассказывались по-русски.

[5] Если грузины, чукчи и евреи в анекдотах говорят по-русски, а этноязыковая принадлежность персонажа подчеркивается при помощи специальных вкраплений, то украинцы в анекдотах говорят по-украински — в той мере, в какой рассказчик в состоянии имитировать украинскую речь. Иными словами, речь грузина, чукчи или еврея в анекдоте — это русская речь с теми или иными отклонениями от нормы, причем наличие отклонений обусловлено установкой рассказчика на имитацию русской речи с отклонениями; а речь украинца — это украинская речь с отклонениями, причем отклонения обусловлены тем, что рассказчик, как правило, не владеет украинским языком в достаточной мере. Украинский язык в анекдотах воспринимается как нарочитое искажение русского языка. Подробный анализ анекдотов об украинцах содержится в нашей статье: *Шмелева Е., Шмелев А.* Мы и они в зеркале анекдота // Отечественные записки. 2007. № 1 (34). С. 215—222.

[6] По-видимому, в пространстве русского анекдота японец воспринимается как персонаж, в чем-то сходный с чукчей: *У чукчей родился неприлично умный ребенок. Его выгнали. Так появились японцы!* Надо заметить, что и типологически целый ряд анекдотов о *японцах* похожи на анекдоты *о чухонцах*, однако в отличие от *чукчи*, не затронутого цивилизацией и потому плохо ориентирующегося в русском городе, *японец* воспринимает русский город примерно так, как русский может воспринимать тундру — естественное место обитания *чукчи*. Вот характерный анекдот советского времени: *Привели японца на междугороднюю телефонную станцию. Из кабинки доносится: «Воронеж!.. Воронеж!.. Воронеж!..» Японец не выдерживает и спрашивает: «А что, по телефону нельзя позвонить?»*

[7] К анекдотам второго типа примыкают длинные анекдоты-списки, которые отчасти нарушают правила построения текста анекдота (их гораздо легче читать, чем рассказывать).

[8] Это универсальная характеристика «многонациональных» анекдотов: в них попадает в фокус внимания именно представитель народа, к которому принадлежит рассказчик (и слушатели) анекдота.

[9] *Шмелева Е., Шмелев А.* Мы и они в зеркале анекдота...

[10] *Draitser, E.* Taking Penguins to the Movies: Ethnic Humor in Russia. Detroit: Wayne State University Press, 1998. P. 63—74, 94—100. Один из разделов главы этой книги, посвященной русским анекдотам о чукчах, даже назывался «Чукча как русский» [*The Chukchi as a Russian*].

[11] Например, в анекдоте о двух мужчинах и одной женщине, попавших на необитаемый остров после кораблекрушения. На острове, где жили французы, все было очень весело и довольны. Там было построено два дома, в одном из которых жила семейная пара, в другом — одинокий мужчина, а на дереве висело расписание: «Январь: Жан — муж, Пьер — любовник, февраль: Пьер — муж, Жан — любовник, март: Жан — муж и т. д.». На английском острове в разных его концах было построено три дома. В них сидели очень мрачные и молчаливые англичане, которые за этот год так и не познакомились, потому что их некому было друг другу представить.